

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«В обществе должен быть культ науки»

Интервью директора Санкт-Петербургского филиала Института истории науки и техники им. С. И. Вавилова РАН доктора философских наук, профессора Эдуарда Израилевича Колчинского

Редакция: Эдуард Израилевич, в этом году исполняется 60 лет Санкт-Петербургскому филиалу Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Как Вы оцениваете состояние института, как видятся его перспективы? Расскажите, пожалуйста, о достижениях последних лет.

Э. И. Колчинский: Я в этом институте работаю без малого 45 лет. Годы пролетели так быстро, что все кажутся последними. Десять лет назад мы праздновали 50-летие. Это был рубеж. Мы издали ряд книг, повели итоги. В последующие десять лет завершили работу над большим международным проектом «Наука и кризисы». Мы начали работать по заданию Правительства РФ, точнее тогдашнего вице-преьера В. Е. Фортова. Он оказался единственным министром на этом посту за 20 лет, который прежде, чем что-то менять, задался вопросом: как и что происходило в других странах, когда наука переживала кризис? Как вело себя научное сообщество, как вело себя правительство, и как они находили консенсус? И обратился с этим вопросом к историкам, историки обратились к нам. Мы написали предварительные очерки, очерки понравились Фортову. Было открыто финансирование. Вскоре это правительство ушло в отставку, вместе с ним ушли и деньги. Дальнейшую работу нам пришлось вести буквально на энтузиазме. Но это и к лучшему — нас никто не подгонял. И мы старались сделать работу фундаментально. Были, конечно, какие-то незначительные гранты от РГНФ, но они были мизерные, да и не всегда выплачивались. Часть сотрудников ушла, но удалось создать международный коллектив ученых Америки, Германии, Японии и Китая. И мы сделали сквозную проверку, охватывавшую практически всю историю науки — от Английской революции до китайской культурной революции. Оказалось, что наука везде и всегда жила не так, как ей хочется. Прекрасных времен, когда сверху исходило бы внимание, и правительство легко бы расставалось с деньгами, не было. За всё, что давали, надо было платить. Порою жизнью своих коллег. Науке надо было доказывать право на существование. У нас был еще

вопрос о кризисе. Мы не ставили задачу показать, как плохо науке, как тяжело... Мы показывали, что кризис — это болезнь роста, это поиск новых форм взаимоотношений между правительством, наукой и обществом. И оказалось, что существует ряд каких-то общих алгоритмов выхода из кризиса. В итоге под моей редакцией вышла большая коллективная монография «Наука и кризисы», которая получила хорошую прессу, было много рецензий у нас в стране и за рубежом. Хотя ссылаются на эту книгу не столь часто, но наши идеи ходят, дошли они и до части правящей элиты научного сообщества — это бесспорно. В нашей книге участвовал и М. Уолкер из США, признанный во всем мире специалист по истории науки в Веймарской республике и национал-социалистической Германии. Параллельно он готовил большую монографию о науке как идеологии, и оказалось, что мы параллельно пришли к сходным выводам об «идеологически корректных науках», но, как он сам говорил, наша концепция была разработана более детально и проверена на гораздо большем числе объектов, включая Англию, США и дореволюционную Россию. Он же ограничился только тоталитарными режимами.

Продолжением этой темы стала моя монография «Биология Германии и России в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (Между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом)» (2007), в которой я попытался выяснить, как и почему создавалась арийская биология в Германии и пролетарская биология в СССР, в какой степени сами биологи участвовали в идеологизации и политизации своих наук. На эту книгу вышло более 30 рецензий в отечественных и зарубежных изданиях. Все, как ни удивительно, положительные. Но были и критики, которых шокировала сама попытка сравнительного анализа советских биологов с немецкими в Третьем рейхе, хотя я писал не столько о сходстве, сколько о различиях. Но каждый увидел в книге то, что хотел увидеть.

Вторая наша крупная работа этого периода — 4 тома «Летописи Российской академии наук». Когда вышел первый том, я сам себе сказал: «Отныне тебе прощаются все грехи, вольные и невольные». Впервые на безукоризненном архивном материале день за днем прослеживается жизнь этой уникальной организации, без существования которой культурный ландшафт России, да и ее геополитическое положение в мире было бы совсем иным. Это, как сказал В. И. Вернадский, «бесценный дар нашей истории», который он завещал нам беречь. За сухими строчками повседневных сообщений особенно очевидно, какую громадную роль сыграла Академия в истории Российского государства. При этом, конечно, мы никого, ничего и нисколько не приукрашивали. Мы фиксировали не только достижения, но и текущие проблемы повседневности, показывая, как решались вопросы с отоплением, оплатой, посылкой экспедиции, кого избирали, чем занимались. Ученые были отражены не только в блеске славы, но, как живые люди, со всеми недостатками, а порою и пороками с позиций сегодняшнего, — например, два века назад считалось незачем писать доносы. Потом это тоже некоторые академики делали, но уже знали, что это постыдно. Каждый пункт нашей летописи подкреплен ссылкой на документ, как правило, запись в протоколах Общего собрания, отделений, а также и т. д. Вообще история науки — это очень точная вещь. Могу твердо сказать, аналогов такой работе нет в мировой литературе.

Следующая крупная работа, которая находится в стадии реализации, — это много-томный энциклопедический справочник «Научный Санкт-Петербург». Первоначально мы наивно представляли, что все это можно уместить в одном томе: дать наиболее выдающихся ученых 100–150 человек и десятков учреждений по каждой отрасли знаний и все издать в виде одного тома, в котором будут описаны все крупные ученые, главные

учреждения, важнейшие журналы и прочее. В наивности своей мы даже представить не могли, как ошибаемся. Когда подвели первый итог, оказалось, что надо 4000 про самых-самых главных ученых, имена которых знают во всем мире специалисты соответствующей области знания. Когда стали разбираться в «деталях», оказалось, что на каждую отрасль знания нужно дать не менее двух-трех тысяч статей. Возник вопрос, кто эту работу будет делать. Биологов мои ученики и коллеги взяли на себя, мы эту работу сделали. В 2012 году выпустили сборник «Биология в Санкт-Петербурге». Опять могу сказать, что такой работы, в которой бы под одной обложкой были статьи об ученых, научных учреждениях, журналах, обществах, правительственных органах, нет, да и скорее всего никогда не будет ни в одной стране. У нас это стало возможным благодаря тому, что помимо штатных сотрудников у сектора большой актив, десятки биологов из других учреждений, интересующихся историей науки и готовых сотрудничать на общественных началах. Самое удивительное, что работа над подобным справочником, которая, казалось, должна была подвести итоги уже известного, стала источником формирования нового взгляда на историю российской биологии. Оказалось, что помимо Академии наук, университета, Военно-медицинской академии существовала масса станций, бюро, отделов, лабораторий, садов, и т. д., в которых, решая прикладные задачи, разрабатывали проблемы фундаментальной биологии. Вообще вся эта идея о том, что есть наука прикладная, а есть фундаментальная, не выдерживает критики. Нельзя создать фундаментальную науку, оторванную от прикладных задач. А с другой стороны, нельзя решать прикладные задачи, если мы оторваны от фундаментальной науки.

Сложнее идет с другими разделами. Подготовлен CD о технических науках. Но их оказалось так много, что представить материал в виде одной книги трудно. Мы не знали, что такое научный военно-промышленный потенциал. Знали сотню НИИ, большая часть которых была, да фактически и остается, засекреченной. А оказывается — каждый завод, имевший свои огромные конструкторские бюро, разрабатывал передовую для своего времени технику. Ведь не случайно мы первые полетели в космос, не случайно наша военная техника до недавнего времени котирировалась как лучшая в мире. Были серьезные разработки, крупные ученые. Но вместе с тем, очень трудно бывает оценить, кто лично что-то сделал, а кто возглавлял учреждение и ему по должности доставались звания, премии. Я вот столкнулся с тем, что «катюшу» всю жизнь приписывали одному человеку, а оказалось, что совсем другой человек ее изобрел, а первый к тому же способствовал аресту подлинных изобретателей. И таких примеров, видимо, было немало. Часто неизвестен вклад разведки в создание новых технологий, образцов вооружений. Историкам технических наук и военных технологий предстоит в этом разбираться. Поэтому историю могут писать только специалисты в конкретной области, знающие реальную историю, а архивы засекречены. С физиками те же самые проблемы. Да здесь еще вмешивается интерес ныне живущих: каждый хочет, чтобы рассказали о нем и его учителях, а о других не рассказывали. Я старался выйти из этого положения при написании энциклопедического словаря «Биология в Санкт-Петербурге». Много сделала для полноты картины по ботанике Анастасия Алексеевна Федотова. В целом наши сотрудники и актив составили квалифицированный, активно работающий коллектив. Опять же в основном на энтузиазме. По другим отраслям знания этого, к сожалению, нет, что и сказало в результате — работа не закончена. Я готов ее продолжать, но для этого нужны энтузиасты — историки физики, историки математики, а также средства и время.

Намечается серия работ об истории Академии. Большую работу ведут наши «академики» — историки Академии наук. Одна из главных работ, вышедшая еще в «давние» советские времена, — это два тома «Истории Академии наук» (1958, 1964), третий том так и не вышел. Он был посвящен советским годам и по этой причине бесконечно рецензировался, перерабатывался и, в конечном счете, был «зарезан» одним из секретарей ЦК КПСС. Но у нас есть эта рукопись. Конечно, вопрос, как его издавать: как памятник эпохе?

Сейчас писать так историю нельзя, да и нет специалистов по всем отраслям знания. Мы пошли по западному образцу: все рассказать невозможно, поэтому рассказываем о некоторых важных моментах — об институционализации академической науки, о нормативных основах ее деятельности, об отдельных комиссиях, музеях и институтах, штатах, о наиболее ярких ученых, о роли Академии наук в создании Военно-промышленного комплекса, о ее вкладе в образование и просвещение и т. д. Иными словами, создаем серию очерков, которые дают определенный взгляд на события. У нас вышло несколько работ такого рода. Вот, например, в этом году под редакцией Ю. М. Батурина вышла книга «Комиссии Академии наук в XVIII—XX веках». Под редакцией Ж. И. Алферова несколько лет тому назад вышли коллективные монографии «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII—XX веках» (2003) и «Академия наук в истории культуры России XVIII—XX веков» (2010).

Ну и наконец, мы занялись вопросами истории собственной науки. А кто мы сами? Что такое история науки? Для чего она существует? Какова ее функция? Кто были наши предшественники? И здесь также немало славных имен — Г. Ф. Мюллер, П. С. Паллас, А. С. Лаппо-Данилевский, В. И. Вернадский, Н. И. Бухарин, Н. И. и С. И. Вавиловы. Были и предшествующие академические учреждения историко-научного профиля, например Институт истории науки и техники АН СССР (ИИНиТ), созданный Н. И. Бухариным и репрессированный вместе с ним. Кстати, Президиум РАН в прошлом году принял решение считать датой основания ИИЕТ 28 февраля 1932 года, а 23 апреля этого года ИИЕТ было возвращено историческое название. Думаю, что это, прежде всего, акт уважения к нашим предшественникам, погибшим в годы массовых репрессий.

История науки позволяет лучше осознать, что благодаря российской науке и, прежде всего Академии наук, был сформирован тип культуры, обеспечивший России место в числе ведущих стран мира. Именно наука была одним из главных национальных приоритетов России в XIX—XX веках. То, что сейчас страна «дергается», не знает, куда идти, уже более 20 лет ищет какую-то национальную идею, в значительной степени связано с тем, что она, по сути дела, отказывается от той светской культуры, которая была привнесена Академией наук. В итоге только в Москве 120 тысяч гадалок, прорицательниц, астрологов и прочих шарлатанов, а ведь кто-то несет им деньги, и немалые. Вместо светской нам пытаются навязать средневековую культуру, вернее даже языческую культуру, ведь христианство к гадалкам относится отрицательно. Наука же — эти дитя Нового века, и, как говорится, или то, или другое. Не может быть православной биологии, мы уже создавали советскую, чем это закончилось — всем хорошо известно. Но также известно, что мы — «страна невыученных уроков» и чем сильнее нас бьют грабли, тем чаще с каким-то сладострастием мы на них наступаем. В этом отношении мы поистине как нация уникальны. Разрушить собственную науку, заставить уехать самую активную ее часть на Запад, чтобы потом за большие деньги на зависть всем остальным привозить их обратно. Воистину как у Шолохова: «Жену отдай дяди, а сам иди...».

Есть у нас еще важное направление — античные исследования. Оно малочисленное, но весьма эффективно, так как два исследователя имеют хорошую международную репутацию, издают книги, в том числе и за рубежом. Мне кажется, что наличие в нашем институте истории античной науки позволяет сохранять тысячелетнюю культуру историко-научных исследований, зародившихся в Древней Греции.

Среди основных достижений последних десятилетий следует указать работы по истории эволюционных идей. Это традиционная наша тема. Три года тому назад, когда нападки на дарвинизм приняли карикатурную форму, мы провели в Университете и в Академии наук конференцию, в которой участвовало более 300 человек, в том числе более 100 докладчиков, ведущих биологов, историков и философов биологии России, Великобритании, Франции, США и т. д. И оказалось, что никто теорию эволюции не опроверг, она, как была, так и остается основополагающей в биологии, а в России немало людей, работающих на современном уровне в различных областях эволюционной биологии. Мы издали объемистый том материалов конференции «Чарльз Дарвин и современная биология» (2010). После нее меня даже пригласили выступить в Санкт-Петербургской духовной академии, и оказалось, что часть православного духовенства принимает и теорию естественного отбора, и происхождения человека от обезьяны. Примерно такие же позиции занимает руководство католической церкви. Правда, и те, и другие считают, что тело формировал отбор, а душу создал Бог. С этим спорить трудно, так как душа не фоссилизируется и в археолого-антропологических исследованиях ее остатки мы никогда не обнаружим.

В прошлом году мы издали фундаментальный труд «Создатели современного эволюционного синтеза». Традиционно считается, что современный синтез — это синтетическая теория эволюции (СТЭ), созданная на базе объединения теории естественного отбора и современной генетики. Более того, в последние десятилетия некоторые английские и американские историки и философы биологии стали верить, что якобы только их страны внесли вклад в становление СТЭ. На самом деле это не так, и сами архитекторы СТЭ Ф. Г. Добржанский, Э. Майр, Дж. Г. Симпсон, Дж. Хаксли думали иначе, включая туда сторонников синтеза генетики и отбора из России, Германии, Франции. Мы пошли дальше и предложили считать создателями современного синтеза и тех, кто осуществлял широкое объединение разных принципов и концепций. Здесь вопрос не в том, чтобы признать какой-то подход единственно верным. Важнее установка на то, что нельзя создать одностороннюю теорию, опираясь только на данные своей науки. Любая эволюционная теория должна охватывать как можно больше различных отраслей знаний. Вот почему мы включили в книгу авторов не дарвиновских концепций Р. Гольдшмидта, Л. С. Берга, А. Ремане, Д. Н. Соболева, О. Шиндефольва. Все они шли разными путями, но к единой цели — созданию широкого синтеза знания. Кто-то больше внимания уделял одному фактору, кто-то — другому, но и в пределах даже СТЭ происходило то же самое. В целом наш подход соответствует общей тенденции современной эволюционной мысли, обозначенной как установка на расширяющейся синтез.

Конечно, бывает так, что на нас (мы — люди государственные) иногда сваливаются задания. Правительство принимает решения, а потом возникает вопрос, кто это будет делать. Вот таким решением было постановление о втором, дополненном и исправленном издании Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова. Дело в том, что ломоносоведение у нас в стране было уничтожено практически полностью. К тому времени, когда начиналась работа, в Музее М. В. Ломоносова практически не было

ни одного научного сотрудника. В итоге на институт свалилось задание по подготовке к изданию полного собрания сочинений. Вначале предполагалось, что наш Филиал сделает два тома, потом уговорили на четыре, а в итоге пришлось готовить шесть томов. К тому времени мы взяли на работу последнего ломоносововеда Э. П. Карпеева. Он работал, исходя из того, что предыдущее издание — это образец, на который надо ориентироваться. И мне пришлось включаться в работу уже на стадии корректуры, так как стало ясно, что надо не только убирать «ляпы» и идеологические установки времен подготовки 1-го ПСС, но и переделывать весь справочный материал и писать по сути дела новые комментарии. В них оказалась масса ошибок, в том числе и постоянные ссылки на никогда не существовавшие книги. Причем двести лет ссылаются на эти книги. Я просил немцев дать точное описание этих книг, они говорили, что этих книг не видели, но они есть во всех энциклопедиях мира. Причина такого положения дел очень простая: Ломоносову было все равно, на каком языке писать — по-латыни, по-немецки, по-русски. И он описывал русскую книгу по-латыни, немецкую — по-русски, а латинскую — по-немецки. Потом вслед за Ломоносовым все ссылались на эти книги так, как он написал. Кроме того, в комментариях присутствовали какие-то странные выражения Ломоносова, например, «незлюбивая Медея», была дана устаревшая химическая аппаратура, нелепые оценки вклада Ломоносова в приборостроение, в отдельные разделы физики и химии. В общем, пришлось переделывать весь справочный материал, проверять и уточнять ссылки на архивные материалы. Мы подготовили обзор современной литературы. Ее оказалось очень много — с 1950-х по 1990-е годы российские и зарубежные исследователи немало поработали. И облик Ломоносова стал более ясным, не такой карикатурный, как его иногда изображали. Он перестал быть человеком, который изобрел все, что только можно изобрести, и предусмотрел все на 50–100 лет вперед. Понятно, что ни один ученый не может превзойти свое время. Вот эту работу пришлось проделать в достаточно короткий срок.

Важные темы разрабатывает и Центр социолого-наукоедческих исследований, но, наверняка, читатели вашего журнала хорошо о них осведомлены и вряд ли я смогу добавить что-то новое.

В целом, прошедшие 10 лет в научном отношении были удачными и плодотворными. При штате научных сотрудников в 33 человека, правда, из них 13 человек — доктора наук и 19 кандидатов, мы опубликовали за эти годы 160 монографий и сборников, сотни журнальных статей из перечня ВАК и т. д.

Редакция: Эдуард Израилевич, а как Вам видятся перспективы развития института?

Э. И. Колчинский: Много что сделано. Но впереди еще больше работы — приближается 300-летие Академии наук. Желательно к этому времени дать совершенно новую историю Академии, и в новом ракурсе. Рассказывать о том, что открыл Ломоносов, Паллас и т. д., нет смысла. Надо показать роль Академии наук в системе государства, в системе российского общества на протяжении трех веков. Почему она была такая, какое она место занимала, как к ней относились, почему и как она менялась, почему она, в конечном счете, оказалась такой. Это совершенно новая работа, требующая новых подходов, новых знаний. И здесь, наверное, больше должны работать гуманитарии, социологи, экономисты, чем чистые историки или специалисты по конкретным отраслям знания. Хотя, конечно, без специалистов в конкретных отраслях знания не обойтись.

В ходе работы над различными темами, в том числе и над «Биологией в Петербурге», у меня в секторе сложился актив, который заинтересовался прикладными аспектами развития биологии. Они начали «копать» с XIX века, с Министерства земледелия

и государственных имуществ, и выявлять те структуры, которые занимались разработкой прикладных и фундаментальных проблем. Эта совершенно новая для нашего института тема получила признание, мои сотрудники активно продвигают ее, сложился целый фронт направлений. Помимо этого, мы пытаемся решить вопрос о том, как развивались новейшие области биологии, правда, преимущественно в социально-культурном аспекте. Это генетика, прежде всего, генная инженерия и всё, связанное с этими науками. Всё, что проходило одновременно с Лысенко, это понятно, после Лысенко — также, а дальше историки уже не «ходили». А научному сообществу более интересна недавняя история, чем рассказы о далеком прошлом. Поэтому мы пытаемся сейчас наладить поисковое исследование: по развитию новейших областей биологии — молекулярной генетики, экологии, биоинженерии, геномики и т. д. При этом возникают большие сложности, так как нет материальной поддержки. А работа требует привлечения людей со стороны, специалистов в этой области знания.

Мы пытаемся развернуть аналогичную работу в области технических наук. Петербург — город, в котором создавались космические технологии, ракетостроение, военная техника. Эту работу мы тоже начали несколько лет тому назад. Мы стараемся, во-первых, собрать свидетельства непосредственных участников тех событий, во-вторых, написать очерки о том, как это делалось, кто создавал эту технику. Очень сложная работа — все засекречено, ничего рассказывать нельзя, отчеты практически достать нельзя. Тем не менее мы работу делаем, и у нас пошла серия «Роль Ленинграда в создании военно-промышленного комплекса в области оборонных технологий». Я надеюсь, что эта работа тоже будет выполнена.

Наконец, у нас — направление, связанное с музеем П. К. Козлова, это исследование Центральной Азии. Путешествия организовывались не ради познания, они служили интересам государственным — военным, политическим, выполняли разведывательные функции, решали задачи колонизации близких территорий, вовлечения их в сферу влияния. Наука все время обслуживала интересы государства.

И конечно, я надеюсь, что сектор социологии по-прежнему будет занимать видное место, а те разработки, которые и так оказывают большое влияние на научное сообщество Санкт-Петербурга, выйдут за пределы «Нью-Васюков» и станут достоянием всей республики, а может быть даже всей Вселенной (смеется). Надо сказать, что достоянием «всей Вселенной» сектор уже стал. Мне хорошо известна активная роль сотрудников сектора на международных симпозиумах, в организации и проведении международных проектов, программ и т. д. Я надеюсь, что голос наших социологов будет услышан правящими кругами, элитами, которые оценивают реальную ситуацию. Социологии ведь тоже все ясно. Там нет никаких неясных вопросов.

Вот такие основные направления, по которым мы идем.

Редакция: Эдуард Израилевич, какое место в ряду достижений института занимают международные дела — связи, контакты? Какие здесь перспективы, какие проблемы? А мог бы институт пригласить какого-нибудь видного историка науки, чтобы он здесь поработал?

Э. И. Колчинский: Да, ради бога, пусть приезжает. К нам всегда приезжают много иностранцев, исключительно за свой счет. В прошлом году было более 60 человек со всего мира. В 1990-х годах приезжало много молодежи. Были аспиранты и стажеры даже из США и Германии. Потом стали ездить меньше: цены на жилье и на питание запредельные. Без специальных грантов им здесь не прожить, а для изучения России получить гранты им нелегко, неинтересной стала Россия тем, кто гранты распределяет,

в силу разных обстоятельств. А мы им даже проживание по приемлемым ценам обеспечить не можем, так как у Академии наук нет общежития для иностранцев. Мы можем представить только стол и компьютер и, конечно, консультации. Недавно у нас была китайка, доктор наук, целый год работала. И сейчас многие хотят к нам приехать. Кто-то интересуется Россией, кто-то пишет о России, кто-то хочет работать в архивах российских. Но иностранец, даже если он занимается Россией, не может сюда ехать надолго. Что такое видный историк? Вообще видный ученый — это вещь весьма переходящая, почти как в спорте «лишь мгновение, ты наверху» и хоть «вниз стремительно не катишься», но обходят тебя очень быстро. У нас нет Нобелевских лауреатов, но в каждой отрасли знания свои видные исследователи: в истории физики, математики, биологии, геологии, античности, средневековье и т. д.

Есть сильные западные ученые, но и у нас есть неплохие, которые включены во многие зарубежные проекты, участвуют в конференциях, сами организуют секции на Международных и Европейских конгрессах по истории науки и по социологии, входят в руководящие органы международных организаций, являются членами 28 зарубежных престижных научных обществ, например Международной академии истории науки, Лондонского Линнеевского общества, более 10 человек — члены редколлегий зарубежных журналов. У нас были совместные проекты с крупными университетами Германии, Индии, США, Франции, Великобритании, в том числе и с президентом Международной академии по истории науки Кноблехом. К нам приезжал председатель Международного союза по истории науки Лю Дун, директор Института естествознания АН КНР Чжан Байчун и т. д.

Я вообще не понимаю, что такое «пригласить ведущих ученых», кто, кого и куда поведет. Вообще в умах авторов этих проектов присутствует образ науки как некоего стадиона, где точно можно измерить «Who is who?». Всё наоборот. Кажется, вот он, пророк, а вскоре выясняется, что как раз он-то и нес ахиною, нетрадиционными ориентациями героя объясняя успехи в науке, при этом никаких доказательств этой нетрадиционной ориентации не приводится. Кроме того, в любой науке при решении одной и той же проблемы существуют разные школы. И какая из них ведущая? Вообще-то наш сектор, например, и в советское время американцы считали лучшим историко-биологическим центром в Европе. Несколько наших сотрудников уехали в США, Канаду, Францию и там считаются ведущими специалистами по советской науке, именно по советской, не африканской и не вьетнамской.

Нужно, чтобы сотрудничество шло всегда, взаимные зарубежные поездки — это норма для научной работы. Я должен свободно поехать к ним и работать у них. И я благодарен ученым многих стран, особенно Германии, Франции, Китая, США, которые лично мне предоставляли такую возможность. Нужно, чтобы молодежь с юных лет включалась в международные проекты, а в международные проекты она будет включаться тогда, когда молодые вместе учатся, вместе посещают летние школы, заводят дружеские отношения с первых шагов в науке. Я знаю несколько таких групп, которые сложились на ранних стадиях научной карьеры их участников, а потом они по жизни так и идут, охватывая 15–20 стран. И у них все время идут проекты — кончился один проект, начинается другой, один Новая Зеландия финансирует, другой — Англия, третий Америка. Я думаю, что сейчас — великолепное время для международных связей. Мы за короткий срок реализовали около 40–50 международных проектов. Часть проектов, о которых я говорил, — это международные проекты, у нас за десять лет вышло примерно 35 книг как результаты совместных исследований, причем многие

книги вышли на английском языке, что мы чаще всего сейчас и практикуем. Мы ведем большой проект с Китаем по изданию книг по истории науки. Это большая работа, позволяющая объективно оценивать уровень истории науки двух стран. И мы пока еще неплохо выглядим. Сейчас у нас идет большой проект с французами «Русско-французские научные связи». Он начат по инициативе французской стороны, и они полностью финансируют проект. Конечно, зарплату они нам не платят, деньги дают на проведение конференций, издание книг, на проживание. Думаю, что международные связи у нас устойчивые. В нашем секторе, мы как-то посмотрели, — около 70 % процентов сотрудников имеют прочные международные контакты, а 50 % — регулярно выезжают за границу. Но у нас нет возможности работать там на постоянной основе, но это не наша вина, нам таких денег никто не дает, да и никогда не даст. Более того, у нас отбирали ставки сотрудников, которые в течение нескольких лет работали за границей, но приезжали к нам ежегодно на несколько недель. Н. Л. Кременцов, до осени 2005 года работая за границей, оставался нашим научным сотрудником, приезжая раз в год для совместных работ. Теперь он там, а не здесь и не для нас готовит будущие поколения историков науки. В общем классическая схема: американская наука — это когда русский профессор учит китайского студента. М. Д. Голубовский, работая за границей, и сейчас числится нашим научным сотрудником. Конечно, мы очень дорожим международными связями. Стараемся во время кратких заграничных командировок застаться литературой, ведь у нас ее нет. А потом при проверках нас спрашивают, а почему конференция шла три дня, а сотрудник оставался на пять дней. И на ответ, мол, работал в библиотеках, в архивах, снова саркастический вопрос: «А что у нас книг мало или архивы все изучены?». А вы говорите о международных связях.

В 1990-х годах наука у нас в институте выжила за счет международной поддержки. Если бы в те годы они не приезжали к нам за свой счет, а потом приглашали нас туда опять же за их счет, оплачивая лекции, семинары, работу по проектам, думаю, российской науки сейчас бы просто не было. Конечно, по нынешним временам, это были смешные деньги. Но для нас-то тогда — это были громадные деньги. Мы участвовали в большом проекте «Наука в джунглях власти: образованные слои при тоталитарных режимах», более 10 лет идет проект «Восприятие Дарвина в Европе», 3-й том издания — это моя идеология — «Дарвин через призму юбилеев». В этом проекте участвуют 15–20 стран. Большой проект у нас идет с немцами, уже около 20 лет. Условно мы его называем так: «Эволюционная теория — между фашизмом, коммунизмом и либерализмом». Наши иностранные коллеги на днях приезжают к нам, будем проводить круглый стол, посвященный расширяющемуся синтезу, опять же на их деньги. Мы выпустили книгу, на их деньги, в которой лучшие немецкие биологи-эволюционисты излагают свои взгляды на эволюционную теорию, на перспективы ее развития. Это их способ влияния на нас. С Японией у нас несколько лет идут совместные проекты «Наука и война» и «Генштаб российской науки», они к нам приезжали, наши сотрудники туда ездили, делали доклады, выпускали совместные сборники. Поэтому мы реально связаны. Вот сейчас у нас с США, с Колумбийским университетом, большой проект о лысенкоизме идет, уже было проведено две конференции. Мы прочно включены в сеть международных контактов.

Очень крепкие связи у наших социологов. Я поддерживаю во всем Надежду Алексеевну (ученый секретарь СПбФ ИИЕТ РАН) именно за ее нацеленность на международные связи. И я считаю, что мы прочно инкорпорированы в мировую науку. Я уверен, что наука может быть только мировой.

Редакция: Эдуард Израилевич, понятно, что для того, чтобы говорить о перспективах, нужно понять, как решается проблема молодых в науке. Это общая проблема российской науки. Какие, по Вашему мнению, существуют инструменты, средства решения этой проблемы? Что Вы считаете важным для привлечения молодежи — повышение стартовой зарплаты, решение жилищного вопроса, перспективы роста, новейшее оборудование, литература?

Э. И. Колчинский: Ну, вы спросите, что для человека важнее всего иметь — голову, печень, желудок и еще что-то там? Все необходимо. Но вот случайный момент — жилищные условия. Почему кто-то должен заботиться о жилищных условиях молодежи? Должна выплачиваться такая зарплата людям, чтобы они сами могли решить свои бытовые проблемы: снять квартиру или купить. У молодого человека должна быть работа, контракт.

Единственный способ привлечения в науку — иметь талантливых ярких учителей. Если бездарю, болтуну, необязательному человеку заплатите миллионы — толку не будет никакого. Должен существовать такой человек, который показывает молодому — делай, как я. Никаких других способов не существует. Живем мы, в основном, за счет импринтинга. Увидел малыш маму, она ему улыбнулась, и он долго считает, что она самый прекрасный человек на свете. И в науке то же самое: если попался тебе талантливый руководитель, яркая личность, то он, как правило, заинтересует молодого человека, выбирающего жизненный путь. Конечно, люди разные рождаются: один — чтобы смотреть за звездами, другой — чтобы футбольный мяч гонять. Но все-таки первая роль принадлежит учителю, который должен пробудить интерес и выявить талант. Второе — это обстановка в стране. Если с утра до вечера по телевизору рассказывают о поясе девы Марии, который «исцеляет» от всех болезней и приобщает тебя к святости, то человеку делать нечего в науке, так как ученый должен был скептиком. Он ничему не должен верить на слово. Он должен сам проверить. И хотел бы я посмотреть на это исцеление. Вера и наука — разные вещи. В обществе должен быть культ науки, которого сейчас нет, его нет не только в нашем обществе, но и в мире в целом. Общество привыкло, что мобильники, самолеты, танкеры, ракеты, автомобили — это всё так, с неба упало. И то, что живем мы сейчас уже не 25 лет, как оно предназначено биологической судьбой, а до 100 лет — тоже воспринимается, как само собой разумеющееся. Ученый, который производит новое знание, уже не авторитет в этом обществе, наука оказывается непривлекательной. Труд ученого оплачивается низко, во всем мире оплачивается низко. Везде менеджеры получают гораздо больше, юристы, врачи получают гораздо больше. Конечно, там, где наука связана с бизнесом, там умеют ценить ученых.

Чем привлечь молодых — не знаю, чем привлечь. Тем не менее, как ни странно, люди приходят. Не каждый готов считать престижной профессию бизнесмена, чиновника, полицейского, кто-то считает, что он не может жить без науки. Почему он так считает, я не знаю — или книжку какую-то прочитал и она на него произвела впечатление, а чаще всего — мама и папа профессора, и он идет вслед за ними. Это и хорошо, и плохо. В наше время в науку шли, потому что это был хороший способ достичь социального благополучия, не такая грязная и тяжелая работа, как у остальных, без выходных, с нервотрепкой, в ужасных условиях. А здесь была все-таки творческая, интеллектуальная работа, да к тому же по тем временам хорошо оплачивалась — кандидат наук получал больше, чем начальник строительного треста. Сейчас народ в науку не идет, поэтому, как бы мы его ни завлекали (для меня это даже странно звучит), он не пойдет. Я не привлекаю, напротив — приходит молодой, я его спрашиваю: на что

ты жить будешь? Ты прикидывал, к какой судьбе ты себя готовишь? У тебя папа есть, который кормить тебя будет? Муж есть, который будет содержать? Иначе не получится у тебя, наука требует 20 часов в сутки, и только четыре часа для сна. Ну, еще часик, чтобы встретиться с любимой. Все. Иначе не будет науки. Поэтому я не знаю такого слова «привлекать», я скорее их пытаюсь отвадить, чтоб не стать причиной трагедий. А то будут говорить: «Личная жизнь не удалась, виноват Колчинский».

Что касается нашей науки, то вообще не знаю, как привлекать. Нет ни в одном российском университете специальности «история науки». Придумать нужно — введен кандидатский экзамен по истории и философии науки, и при этом нет ни одной кафедры истории науки, студентов не готовят. Но наша философия очень далеко ушла от современной науки. Более 20 лет я заседал в специализированном совете по защите диссертаций по философии науки, могу сказать, что диссертации по философии науки очень редки и чаще всего они просто не имеют никакого отношения к науке. Более того, приходится слышать от разного рода постмодернистов, что у каждого своя наука. Да, конечно, но для этого есть соответствующие учреждения. Это приводит к коллизиям на защитах, принимающих порой форму откровенного бреда. Если в Америке таких кафедр сотня, в Германии — полсотни и порой десятки аспирантов или докторантов, то у нас их просто нет. В итоге мы к будущим ученым посылаем малограмотных философов читать историю науки, которые не знают ни историю, ни науку, да и о самой философии имеют смутные представления. А вообще, в науке должно работать небольшое количество людей, которые без науки жить не могут. Те 400 тысяч, которые сейчас работают в науке — этого вполне достаточно, если бы они все работали при этом. Наука — это не массовое явление. В прошлые времена на ученых смотрели, как на не совсем нормальных людей. Это только в XX веке, когда поняли, что от них зависит богатство государства, его безопасность, на ученых стали иначе смотреть. А историк науки — это вообще странный человек в квадрате, потому что он думает, что он умнее всех тех, кто сделал эти открытия. Он легко берет скальпель и анализирует и Ньютона, и Дарвина, и Вернадского, и выносит свой вердикт и оценку. У меня всегда был набор людей, которых я готов был взять на работу. А вырастить талантливую молодежь можно только одним способом — другого нет — «много разводить, а потом много вешать» (так Дарвину сказал некий собаковод). Должно быть много учеников, а потом среди них производить селекцию, их «отбраковывать», отправлять на повышение квалификации куда-нибудь, благо сейчас много всяких научно-исследовательских университетов. Если серьезно, то придумывать ничего не надо. Надо создать возможность для высокой мобильности аспирантов и докторантов, чтобы в период подготовки диссертаций они имели возможность поработать в нескольких по-настоящему авторитетных центрах. Стажировка за границей — хороший стимул, кто-то останется, но для всех мест там не хватит. Надо, чтобы вернувшиеся находили на родине хорошо оборудованные лаборатории и возможность самостоятельных исследований. Поработавшие там не согласны жить по этосу отечественной науки. Благодаря освоению разных методов и методологий молодой ученый не только сможет определиться, какая для него лучшая, но и реализовать их синтез.

У нас проблема с тем, как омолаживать кадры. Но это уже другие сложности, не с нашим институтом связанные. Люди достигают пенсионного возраста, но, во-первых, их опытом желательно пользоваться и дальше, а, во-вторых, мы не можем их отправить на пенсию, потому что они получают копейки на пенсии. Когда государство научится платить не только тем, кто их охраняет в данный момент, но и тем, кто создает новое,

вот тогда и будет вопрос решен с омолаживанием, привлечением молодых в науку. Ведь в армии вроде хватает офицеров, да и деньги худо-бедно платят неплохие, опять же бесплатное жилье. Вопрос повышения пенсий — это вопрос государственного масштаба. Ведь не только ученые, но и учителя должны получать соответствующую пенсию. Вообще, никто не должен после 65 лет работать только ради денег. После 65 лет люди должны работать только для души. Основная задача пенсионеров — ездить на экскурсии, смотреть и добирать то, что они не набрали в своей жизни. Я думаю, что если бы некоторым нашим пенсионерам я сказал, что они будут те же самые деньги получать, то многие и не работали бы. Я чувствую, что для многих это сейчас уже не в радость.

Наука — это, прежде всего, социальное явление. И от того, как построены ее отношения с обществом, в значительной степени и зависит развитие науки. Нам иногда кажется, что мы можем построить «идеальную» науку, а общество будет не идеальным. Такого быть не может.

Редакция: *В Вашем рассказе прозвучало слово «бизнес». Вот, что касается нашего института: есть ли какая-нибудь поддержка со стороны бизнеса? Есть ли перспектива связаться с бизнесом или надежда на то, что бизнес будет поддерживать историю науки?*

Э. И. Колчинский: Я думаю, что наш бизнес поддерживать никакую науку не будет по той простой причине, что у нас никакого бизнеса нет. Что такое бизнес? Это ты что-то организовал, что-то продвинул, внедрился, завоевал рынок, сделал что-то новое, доказал свою конкурентоспособность, ты связан с наукой, внедряешь новую технологию. У нас собственность и богатство распределялись не благодаря всем этим мероприятиям. Раньше было все просто и ясно: украл, пропил, в тюрьму. Теперь иначе: украл, отвез за границу, пропил, вернулся в Россию красть дальше, а если все потерял, то государство снова выделит кусок пирога, и всё повторится сначала. Зачем им разводить какую-то науку? На собственном опыте они убедились, что у нас наука не нужна. Они ведь знают, что Россия — самая богатая страна в мире, и не только нефтью, но и газом, и полезными ископаемыми. У нас 9/10 территории еще не тронута человеком. Пролетая над Восточной Сибирью, вы ни одного огонька не увидите. По этой причине у нас нет необходимости что-либо развивать, у нас производительность труда в большинстве производств в 10 раз ниже, чем в Америке. Нам не нужна квалифицированная рабочая сила, мы десятками везем гастарбайтеров. Мобильники — нет ни одного нашего производства, компьютеры — нет, самолетов — теперь уже тоже нет, судов — нет. Подлодки тонут, ракеты взрываются на старте. Так для чего нужна наука? Для обеспечения военных технологий. Но предшествующие поколения выковали термоядерный щит и ракетный меч, и пока они сдерживают врагов. Все знают, что в случае чего наш народ за ценой не постоит, и в очередной раз ценой жизни целых поколений прикроют и правительство, да и Европу от какой-нибудь очередной цветной чумы. А когда сегодняшняя техника выйдет из строя, власть уже будет другая. Поэтому опять стимула никакого нет. И третье. Ведь как это бывает? Почему бизнесмен помогает ученому? Они обычно все росли вместе, учились в одних и тех же институтах — Кембридже, Гарварде, Оксфорде, в Берлинском университете, в Политехнической школе. Потом пути разошлись, но ценности остались одни и те же. Все-таки учителя были общие и когда они встречаются, то говорят на одном языке и понимают друг друга. А сейчас кто откуда пришел? Один — из партийно-советских кругов, другой — из комсомольского актива, третий из — правоохранительных органов, четвертый — из фарцовщиков, пятый — из спорта, шестой — прямо из зоны. Нет, они, конечно, красные пиджаки уже не надевают и золотые цепи на грудь не вешают. Но о чем они могут говорить с учеными? Они совершенно

по-разному мыслят. У них разные ценности. Для них архивы — это бумажки, книги им не нужны, если они не стоят бешеных денег. И потом у нашего бизнеса нет никакого стимула для спонсирования науки. Ну президент или губернатор прикажет, тогда, конечно, сделают, но постараются потом компенсацию получить в десятикратном размере. Да и что создавать, куда внедрять? Оборудование там, где работает, все западное. На западе бизнес, если помогает науке, получает льготы — с него снимают налоги. А у нас что? Отдай налоги, да еще науке помогай. Я не слышал, чтобы кто-то вкладывался в науку, а тем более в историю науки. А где происходит, носит комический характер. Ну, конечно, мы можем предположить, что из наших рядов вышел богач, и у него осталась ностальгия по истории науки. Но ведь все нынешние богачи, как правило, хвастаются, что они «троечники». Этим обычно не хвастают, а вот у них иначе. Спросите у них, что такое закон сохранения вещества и энергии. Они не скажут. Они не знают элементарных вещей. Отсюда и разного рода Петрики. Поэтому я не вижу особых перспектив для привлечения бизнеса.

Редакция: Эдуард Израилевич, мы подошли, да, собственно, Вы уже об этом и говорили, формулируя характеристики, оценки, к разговору о российской науке, о проектах — науку в университеты, Сколково. Пожалуйста, Ваше видение, понимание ситуации, а также этих и других проектов.

Э. И. Колчинский: Был в свое время анекдот. Человек приехал из Тулы в Москву за самоваром. Говорят ему:

- Что ж ты в Москве самовар ищешь, в Туле надо покупать.
- Да в Туле нет самовара.
- Так попроси, пусть с завода вынесут тебе детали, собери.
- Сколько ни пробовали собирать, всё получается автомат Калашникова.

Вот, можно сказать, что бы мы ни делали, приходим опять к «автомату Калашникова»: то есть к государству, которое хочет контролировать все от начала и до конца. А что такое государство? Это чиновники, которые на самом деле никакого государственного интереса не имеют. Это там император считал себя хозяином земли Русской, или товарищ Сталин грезил, что на века определит развитие страны и даже всего человечества. Но и он ошибся. Ну, давайте конкретно. Сколково. Что это такое? Я не знаю. Сначала была идея: давайте построим совершенно новую инфраструктуру, туда пригласим лучших зарубежных и наших ученых, дадим им хорошее оборудование, дадим им контракты с промышленностью, и они заработают. Что из этого вышло? Территория, как известно, отведена, кто-то ее осваивает, и сколько будет осваивать, неизвестно. Привезти — откуда? Кто поедет в Сколково и ради чего? Российские ученые не очень-то подвижны. Те, которые подвижны, уехали за рубеж и там в Силиконовых долинах работают, в Китае и где-то еще, где их ценят и любят. В итоге, что сделали? Берут из хороших институтов лаборатории, лучшие лаборатории, и считают их работающими по сколковским проектам, обрывают их связи с теми институтами, в которых эти лаборатории находятся. Но ведь наука — это не одна лаборатория, она связана тысячами связей с окружающими. Часто эти связи организуются по поводу подготовки оборудования, это может быть просто товарищ, с которым ты покурил и поговорил, обменялся мнениями, твой учитель. Много связей, это сложная система. У этих лабораторий может быть рейтинг высокий. Но их вырвали из среды, и они лишаются интеллектуальной поддержки, а в новые связи они не включены, между собой они никак не связаны. Может быть, если бы их перевели туда, они бы там заработали и создали бы суперсистему. Но этого же нет. В итоге разрушаем одно, а ничего не создаем. И вообще, прежде чем

начинать такие грандиозные проекты, на лягушках бы надо попробовать — так советовал И. П. Павлов большевикам. Не послушались, а зря. А в итоге — откровенное воровство и ноу-хау в виде лекций малограмотного депутата Пономарева, а сколько таких депутатов из правящих партий не замечено прокуратурой.

Теперь университет. Это, конечно, замечательно, когда фундаментальная наука находится в исследовательских университетах. Но их, вообще-то, не так уж много во всем мире. Иначе бы не создавали Академии, Национальные институты, Общества Кайзера Вильгельма и т. д. и т. п. И каждый университет становился десятилетиями, а то и столетиями. В Америке — сколько таких университетов, где занимаются наукой? Раз, два и обчелся. Провинциальный университет в Америке не блещет наукой, а для профессоров там та же потогонная система чтения лекций. И потом, что такое американский университет? Это специфическая структура, сложившаяся в стране, где никогда государство науке не помогало, где общество само формировало университеты, где университеты живут за счет большой поддержки со стороны общества, частных вливаний. Где существуют десятки тысяч научных, образовательных и т. д. фондов. А у нас когда в университете была высокая наука? Ее и при царе-батюшке не было. Физику мы заново создавали в Академии наук уже при советской власти, как и отраслевые институты. Это, вообще, политика государства была — в университете не должно быть никакой науки, потому что наука всегда требует свободы, а свобода всегда идеологически и политически подозрительна, поэтому там уничтожалось всякое свободомыслие. А когда случились 1990-е годы, что уничтожили, прежде всего, в университетах? Где эти институты? Где эти знаменитые университетские БИНИИ, Институт земной коры, Физиологический институт и т. д.? Их закрыли в первую очередь. Теперь вроде решили науки перенести в университеты — замечательно. Действительно, без молодежи наука обречена. Но от того, что в университеты пойдут деньги, еще не значит, что там появится высококачественная наука. Воровать умеют и там, и, как показали недавние события в Москве, с неменьшим цинизмом, чем в любой другой отрасли. Где там Касьянову с двумя процентами, слухи ходят о 70–80 % отката. Я к тому — есть ли в этих университетах те, кто готов по-новому учить? Готовы ли доценты, получавшие недавно 100–500 долларов, вновь с энтузиазмом сеять доброе и разумное? И как быть с посвящением науке 20 часов в сутки при педагогической нагрузке в 800–1000 часов? А школа, что дает нам сейчас школа? Вы пойдите сейчас на факультеты — на естественных факультетах аспиранты третьего года обучения не знают, что существует закон сохранения вещества и энергии. Ну нельзя же создавать вот так сразу. Почему вперед разрушим, затем уничтожим, а там создадим? Наука вызревает десятилетиями, а разрушается за месяцы. У нас перед глазами пример восточноевропейских стран. Они уже прошли через это все. Где появилась современная наука? В Прибалтике? Нет. В Чехии? Нет. Есть там студенты? Практически все разбежались. Где заработали эти структуры, университетские? А в каких университетах Германии есть наука, которая работает так сильно? В основном там работают институты Общества Макса Планка, институты Химико-технологического общества. Там в университетах студенты на 3-м курсе не знают элементарной алгебры. А мы говорим, давайте мы — по их облику и подобию. Если мы хотим построить сразу Массачусетский университет — пожалуйста, тогда. Но для этого деньги нужны и люди нужны, яркие люди и десятилетия функционирования в условиях Америки. Как нельзя было построить социализм в отдельно взятой стране, так и нельзя построить единичный современный университет. Вообще, как бы с очередной реформой науки не получилось, как в известном анекдоте о равнине, который давал

советы, что делать, чтобы куры не дохли. Все кончилось тем, что куры сдохли, а равнин говорит — жаль, что так быстро произошло, еще столько советов хороших осталось...

Теперь, после всех реформ, научной продукции производят в России гораздо меньше. И дают ее, по-прежнему, преимущественно институты Академии наук. Не провинциальные вузы (вы даже представить не можете, куда там науку вносить-то). Я работал на курсах повышения квалификации преподавателей эволюционной теории еще в советское время и знаю их уровень. Более 20 лет был членом ученых советов по защите диссертаций по философии и истории науки, и что-то слабо верится, что Россия будет прирастать провинциальной наукой. Не до науки им там. И если будут талантливые молодые ученые, а они обязательно будут (рожала и будет Россия рожать «собственных Платонов и быстрых разумом Ньютонов»), то вряд ли кто-то из них останется на родине. Сужу даже по своим ученикам. Как только появляется малейшая возможность, бегут на «прогнивший» Запад. А ведь хороших историков науки там немало, да и не самая уж эта необходимая наука для бизнеса.

Если задаться вопросом, что делать для действительного обновления нашей науки, то ответ, на мой взгляд, один. Нужно вложить большие деньги и отпустить наших исследователей учиться и писать диссертации в зарубежных лабораториях, и не в одной лаборатории, а в разных. Потому что, если зарубежный ученый сюда приедет, он подготовит такого же, как он. В советские времена был такой философ Э. В. Ильенков, у него была школа, но все его ученики — это были ильенковцы, целая когорта «маленьких ильенковых», повторяющих вслед за учителем: вот это — «клеточка», вот это — «анализ», вот это — «развивающееся понятие». А где новое? Ученый должен учиться у многих, у разных учителей. Как на том же Западе. Кончаешь один университет, аспирантуру — в другом, ассистент-профессором становишься в третьем, а ординарным профессором — в четвертом. Есть возможность из периферийного университета перебраться в столичный университет или даже в другую страну. А после выхода на пенсию снова начать работать в периферийном университете, но это в США. У нас же, где учился, там и проходишь все эти стадии, а потом еще дети порой повторяют твой путь. А если внуки — все опять повторится сначала. Я утрирую, конечно, но семейные династии в отечественной науке, как и в искусстве, эстраде, литературе, вредны. В итоге — не столько школа, сколько клан, а клановость для науки подобна смерти. Я рад, что мои дети не пошли по моим стопам. И мои ученики последних лет — они сами по себе, они другие. Таков закон природы — подрастающее поколение должно завоевывать собственную территорию. Они должны быть другими, они не должны повторять нас. У них должна быть другая тематика, другие проблемы. Учителя не должны воспроизводиться в учениках. От учителей надо перенимать только отношение к работе. А идеология и методология должны быть другие. И в этом смысле я доволен своими ученицами — они очень самостоятельные, иногда даже до обидного самостоятельные.

Многое еще можно сказать... Нет у нас оборудования, литературы нет, английский язык старшее поколение не знает, а молодежь только во время аспирантуры начинает овладевать азами выбранной науки и на подготовку подлинной диссертации уходят десятилетия. Каждый в период становления должен несколько лет прожить за границей, а затем каждые пять лет иметь годичный отпуск для научных занятий в разных библиотеках и лабораториях. Вот это и есть решение проблем. Нужен свободный поиск, свободный конкурс, настоящая подлинная конкуренция на всех уровнях. Без них наука существовать не может. А где она свободная

конкуренция? Ее нет ни в политике, ни в экономике, ни в искусстве. Почему же она появится в науке? А науки без свободы быть не может!

Редакция: *К юбилею Вы готовите большую книгу об институте, о сотрудниках. Прделана уже большая работа. Вам удалось собрать информацию о большом количестве конференций...*

Э. И. Колчинский: Работа большая, но трудно в короткий срок все восстановить. Мы — Иваны, не помнящие родства. Вроде и душевные, и отзывчивые, а как с глаз долой, так и из сердца вон. Вот составил список сотрудников сектора, все проверяли, вдруг в последний момент увидел, что в списке нет Даниила Владимировича Лебедева. Это человек, которого я считаю одним из своих учителей, который здесь работал, который причул меня к свободе, независимости в суждениях, говорить без оглядки. И таким он был для многих, и никто не заметил пропуска. И таких случаев десятки. С трудом добываются сведения.

А что касается конференций, то это далеко не все конференции. Это предварительная работа. Я хочу, чтобы всё это осталось, потому что пока мы не будем знать, кто до нас работал, что он делал, мы — никто. Историография — это значительная часть работы историка науки.

Редакция: *Вот только что стало известно, что Вам присудили учрежденную в этом году правительством Санкт-Петербурга и Президиумом Санкт-Петербургского научного центра РАН премию имени Е. В. Тарле в номинации «Исторические науки». Считаете ли Вы, что это — знак особого внимания к истории науки, и какое значение для Вас лично имеет эта премия?*

Э. И. Колчинский: Конечно, руководство научного центра и лично Ж. И. Алферов всегда уделяли большое внимание истории науки, но то, что первая премия присуждена за работы в области истории науки и техники, это все-таки результат стечения обстоятельств. Конечно, мне лестно получить эту премию. Тем более, что одна из первых исторических книг, которую я купил и прочитал в подростковом возрасте, это был «Талейран» Е. В. Тарле, напечатанный как предисловие к мемуарам Ш. М. Талейрана. Потом мне подарили полное собрание сочинений Тарле и, по крайней мере, половину из 12 объемистых томов я прочитал. Особое впечатление на меня произвели его сочинения по Великой французской революции. Это было для меня поучительное чтение, и к Тарле я всегда сохранял трепетное отношение и любил его цитировать. Как историк науки я с Тарле столкнулся уже в середине 1990-х годов и узнал о нем как об организаторе архивного дела, члене Комиссии по истории знаний, фигуранте «академического дела». Мне стал более понятен масштаб этой фигуры, и я благодарен моим коллегам, выдвинувшим и поддержавшим меня. Я искреннее благодарен губернатору Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко, поддержавшему инициативу Санкт-Петербургского научного центра РАН по учреждению премии в номинации «Исторические науки». Ведь Санкт-Петербургская школа историков известна во всем мире не только своими прошлыми заслугами, но и яркими современными авторами. Несмотря на все идеолого-политические бури и политические репрессии, петербургские историки всегда отдавали приоритет работе с архивными документами, с текстами. Я уверен, что в ближайшие годы город узнает яркие имена петербургских историков — не только представителей академической, но и университетской науки.